

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

GENERAL LINGUISTICS

УДК 81'1

DOI: 10.31249/ling/2023.02.01

Алпатов В.М.¹

ИСТОРИЯ ИДЕЙ НАУКИ И ИСТОРИЯ ЛЮДЕЙ НАУКИ

Аннотация. История науки может отвлекаться от личностей и сводиться к исследованию теорий, методов, подходов без внимания к тем людям, которые их выдвигали или опровергали. Безусловно, такой путь может быть вполне оправдан. Однако науку делают люди, и их человеческие качества, склонности, характеры влияют на их деятельность. Это влияние рассматривается в статье на примерах Ф. де Соссюра, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.Я. Марра, Н.И. Конрада, Н.И. Фельдман, П.С. Кузнецова и др.

Ключевые слова: история науки; научные парадигмы; новаторство; традиции; склонности; характер.

Для цитирования: Алпатов В.М. История идей науки и история людей науки // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2023. – № 2. – С 7–26. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.01

¹© Алпатов В.М., 2023

Алпатов Владимир Михайлович – д-р филол. наук, профессор, академик, гл. науч. сотр. Института языкознания РАН, e-mail: v-alpatov@iling-run.ru

ALPATOV V.M.¹
THE HISTORY OF IDEAS OF SCIENCE AND THE HISTORY
OF PEOPLE OF SCIENCE

Abstract. The history of science can be distracted from personalities and reduced to the study of theories, methods, approaches without attention to those people who put them forward or refuted. Of course, such a path can be fully justified. However, science is done by people, and their human qualities, inclinations, and characters influence their activities. This influence is considered in the article on the examples of F. de Saussure, I.A. Baudouin de Courtenay, N.J. Marr, N.I. Konrad, N.I. Feldman, P.S. Kuznetsov, etc.

Keywords: history of science; scientific paradigms; innovating; traditions; inclination; character.

For citation: Alpatov V.M. History of ideas of science and history of people of science // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser.6. Yazykoznanie [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. – 2023. – N 2. – Pp.7–26. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.01

Введение

История науки может изучаться по-разному. Она может отвлекаться от личностей и сводиться к исследованию теорий, методов, подходов без внимания к тем людям, которые их выдвигали или опровергали. Конечно, редко история бывает анонимной (в научной публицистике это встречается чаще, чем в собственно науке): обычно при изучении идей упоминаются фамилии и национальные принадлежности ученых, выступавших с ними. Худшие работы такого типа сводятся к перечислениям того, кто что сделал, без должного анализа; лучшие работы посвящены борьбе идей, появлению и развитию тех или иных научных парадигм.

Такой подход иногда осуществляется вполне сознательно. Известный франко-швейцарский историк науки о языке Патрик Серио постоянно говорит о необходимости строго разграничивать историю науки и изучение личных качеств, склонностей и биогра-

¹*Alpatov Vladimir Mihajlovich* – Doctor of Philology, professor, academician, chief researcher, Institute of linguistics, Russian academy of sciences, Moscow, e-mail: v-alpatov@iling-run.ru

фий изучаемых ученых (см. об этом его книгу [Sériot, 1999], изданную и на русском языке [Серио, 2001]). П. Серио считает неплодотворным подход к изучению научного творчества Н.Я. Марра в ряде публикаций, поскольку там все сводится к изображению личных качеств этого ученого, которого рассматривают как «психопата-мегаломана» [Sériot, 1999, p. 141]. По его мнению, об истории научных идей надо писать в отвлечении от личных качеств, свойств характера и биографических обстоятельств жизни тех, кто эти идеи высказывал. Изучение истории идей, связанных с языком, в отвлечении от истории людей он назвал лингвистической эпистемологией.

Безусловно, такой путь в целом преобладает и может быть вполне оправдан. В то же время жесткие разграничения такого рода могут вызывать и неприятие. Один советский историк, убежденный марксист, тем не менее, говорил: «Всё производительные силы и производственные отношения, а где же человек?». Конечно, история идей в чистом виде (эпистемиология науки) возможна, но история ученых в отвлечении от их идей нет (кроме как в художественном произведении, где известны стереотипы изображения ученых). Наука – та сфера, в которой биография человека полностью не может быть отделена от его занятий.

Но науку делают люди, и их человеческие качества, склонности, характеры влияют на их деятельность. Иногда мы об этом просто не знаем. Какой характер был у Панини или Дионисия Фракийского? Но и тогда, когда биография ученого известна, она часто сводится к стандартному послужному списку. Родился и умер тогда-то и там-то, из такой-то семьи, тогда-то и там-то учился, преподавал, потом вышел в отставку (или не дожил до соответствующего возраста). Плюс учителя, ученики, издания разных лет. Все оказываются очень похожими друг на друга. У нас по такой схеме особенно часто биографии ученых строились в конце советской эпохи. Иногда, не спорю, к этому мало что можно прибавить. Не так много, по-видимому, можно сказать о личностях А. Мейе или Ф.Ф. Фортунатова, хотя в истории научных идей их невозможно обойти.

Однако нередко не богатые внешними событиями биографии полны внутреннего драматизма. Вот Ф. де Соссюр, у которого виден контраст между посмертной славой и репутацией при жизни.

Отвергнутая научным истеблишментом, но обратившая на себя внимание книга, изданная автором в 21 год, и сразу после этого совершенно другая по тематике диссертация. Не только сейчас, но и тогда столь ранний восход не был частым. А потом за более чем 30 лет лишь несколько не столь ярких статей, и почти ничего не публиковалось в последние полтора десятилетия жизни. За эти годы все публикации и большинство курсов для студентов были посвящены вполне традиционным темам. Обессмертивший ученого курс достался ему случайно и мало кому был известен до посмертной публикации. Такой человек мог считаться неудачником. Дополнительная проблема, которую обычно не принимают во внимание: в 1908 г. его ученик выпустил книгу, изданную сейчас и по-русски [Сеше, 2003], где многое отражало идеи Соссюра, по-видимому, излагавшиеся в беседах с Сеше. А Соссюр в это время, вероятно, почти не мог писать и был в состоянии ответить ученику только устно. Случайно ли именно в 1908 г. он впервые прочел курс, основанный на новаторских идеях (в курсе 1906 г. их было меньше)? А потом при участии того же Сеше, готовившего вместе с Ш. Балли «Курс» к печати, все изменилось, но Соссюр об этом не узнал. И не сказало ли его постоянное непризнание на эволюции взглядов Соссюра в сторону отказа от господствующих мнений?

И личность Соссюра показывает, как могут не совпадать склонности человека в науке и за ее пределами. Сравним Соссюра и его старшего современника И.А. Бодуэна де Куртенэ. В науке оба были новаторами, но Бодуэн был очень активен и за ее пределами, в том числе политически, даже побывал в тюрьме. Соссюр от политики был далек, а в науке долго боялся обнародовать слишком нетрадиционные идеи. Тем не менее как лингвист он пошел дальше Бодуэна и был смелее его. В. Матезиус писал: «Бодуэн... создал понятие фонемы, принадлежащее к основам современной лингвистики. Однако он не смог из своей новаторской концепции сделать все выводы для лингвистического метода и лингвистической системы, ибо... слишком большое внимание уделял факту постоянного изменения в языке» [Матезиус, 1960, с. 90].

Могут быть выделены разные типы влияния личности ученого на его научную деятельность. Иногда они почти незаметны, но могут и определять очень многое. Как раз вышеупомянутый Н.Я. Марр был одним из наиболее красноречивых примеров.

Крайний случай: Марр

Николай Яковлевич Марр – «без сомнения, если не самое знаменитое, то самое “шумное” имя в истории советской науки» [Абаев, 1960, с. 90]. При этом поражает контраст между яркостью личности академика и полной нелепостью многих его утверждений. Например, он объявил французский язык скрещенным латинско-галльским, где простота морфологии – галльское (яфетическое) наследие; французский язык не упростил латинскую морфологию, а еще не дошел до той стадии развития, на которой находился латинский язык [Марр, 1934, с. 188–189]. На определенной стадии экономического развития в любом языке мира вода будет называться *si* [Язык, 1936, с. 45–46]. Смерды – иберо-шумерская прослойка русских [Марр, 1934, с. 21–22]. И т.д., список можно продолжать до бесконечности.

Яркая личность привлекала очень многих от коллег Марра по Академии наук до совсем молодых и восприимчивых ко всему новому людей и способствовала распространению его идей. Многие считали его гением. Однако обычно восторженно к нему относились прежде всего лично знавшие его люди. За рубежом почти никто не испытывал пиетета к Марру (в том числе языковеды-марксисты), и даже в Москве, где академик бывал лишь изредка, его идеями увлекались гораздо меньше, чем в Ленинграде, где он жил, преподавал и выступал. Читая его труды, очень нескладно написанные, увлечься высказываемыми там идеями не так легко, а непосредственное общение со столь яркой личностью располагало к этому.

Уже в годы, когда Марр не выходил еще за пределы Кавказа, ему был свойствен подход, о котором очень точно писал забытый сейчас филолог Б.В. Горнунг: «Сначала следовал вывод, а потом уже изучение и исследование материала с готовой предвзятой идеей. Этому принципу, впервые примененному в юности, Н.Я. Марр остался верен всю свою жизнь» [Против ... , 1952–1953, с. 160]. Марр с самого начала отстаивал идею об исконной общности грузинского и армянского языков, уже опровергнутую компаративистикой. Ради ее утверждения он выдвигал самые разные положения, доказать ее не смог, но не мог и отказаться от нее. Отмечают у него и подтасовку фактов. Например, если во фразе грузинского

памятника одно слово противоречило избранной интерпретации, автор грамматики зачеркивал это слово и делал вид, что его нет. Ученые не могут так поступать. И Марр постоянно выбирал между априорной концепцией и фактами в пользу концепции. Скажем, в период активного поиска яфетических языков (первая половина 20-х годов) он определял для себя яфетическую принадлежность того или иного языка еще до того, как начинал его изучать, а затем подгонял факты этого языка к априорной схеме.

О характере Марра лучше всего сказал близкий ему ученик В.И. Абаев: у Марра «синтез решительно преобладал над анализом, обобщения над фактами»; при активности творческого центра Марр был лишен центра торможения [Абаев, 1960, с. 98–99]. В обширном наследии Марра (до сих пор не полностью опубликованном) речь всерьез может идти о двух полярных уровнях: уровне введения в науку конкретных фактов и уровне выдвижения гипотез и догадок о самых общих проблемах. Какой-либо «середины», т.е. обобщения фактов, построения и обоснования теорий, у него нет и, вероятно, не могло быть. Марр обладал выдающейся интуицией и мог угадывать неясные контуры тех или иных явлений. Но, не имея «центра торможения», он уже не мог остановиться и начинал строить заново все, доводя до абсурда разумные в своей основе идеи вроде скрещения языков. Там, где он вступал в области, обеспеченные фактами, этот абсурд становился очевидным. Но он более всего интересовался теми периодами языковой истории, для которых фактов недостаточно.

Безусловно, самые фантастические его теории отражали «дух времени». Но этот дух не обязательно требовал отбросить «центр торможения». Идеи были неразрывны с его личностью, о которой лучше всего сказал академик-китаист В.М. Алексеев: «Это грандиозный, бурный, беспредельный темперамент.... Это был вечный гейзер, не деливший своих вод на струи и назначения» [Проблемы ... , 1935, с. 64]. И это вовсе не означает, что он был психопатом. Надо признать, что Марр при блестящих талантах не был ученым по своему человеческому складу. Он оказывался в науке более пророком, чем исследователем.

Общие склонности

Редко ученый может в равной степени успешно заниматься многими науками сразу. Конечно, есть более широкие и более узкие специалисты, но какой-то не одинаковый для разных людей предел существует. А часто бывает так, что те или иные общественные потребности при нехватке специалистов заставляют человека заниматься самыми разными науками. И бывает, что в одной дисциплине работают люди разных интересов. Такое может случиться всегда, особенно часто при необходимости расширения тематики. И пример, который я приведу, особенно любопытен, так как касается одной семьи.

В советском востоковедении 1920–1950-х годов шло расширение тематики, во многом стимулировавшееся практическими потребностями. От преобладавшего в дореволюционное время уклона в изучение письменных памятников переходили к исследованию истории, современной литературы, языка. Во главе советской японистики в это время стоял Н.И. Конрад, которому приходилось заниматься самыми разными сюжетами, включая лингвистические. Он издал объемистую книгу «Синтаксис японского национального литературного языка» (1937) и ряд статей, есть у него и публикации по китайскому языку, например [Конрад, 1952].

Однако в его работах по «чистой» лингвистике, в том числе по грамматике, чувствуется сухость изложения и вторичность материала, который в основном взят из грамматики «Когохо», изданной в Японии на двадцать лет раньше «Синтаксиса». Эти примеры в основном интерпретируются на основе идей, сформулированных в русистике (А.А. Шахматов, А.М. Пешковский) и переносимых на японский язык; кое-где учтены и идеи Е.Д. Поливанова, и нередко пересказываются японские авторы. «Синтаксис» был первой на русском языке японской грамматикой такого объема, и многие вопросы там были рассмотрены впервые, но в целом работа мало оригинальна и эклектична (подробнее см.: [Алпатов, 1988, с. 84–93]). Совсем неудачна статья «О китайском языке», где в духе времени предлагалось описывать этот язык по образцу русского языка, находить в нем склонение и спряжение. Но совсем по-другому написаны работы, посвященные социолингвистике [Конрад, 1954; Конрад, 1960], а также соответствующий раздел в

«Синтаксисе», во многом спорный, но интересный. Видно, что эти проблемы Конрада волновали.

Представляется, что Конрад по необходимости (нужна была теоретическая основа для преподавания японского языка) занимался, в числе прочего, и лингвистикой, но интересы его были иными. Он постоянно говорил студентам, что главное для востоковеда – изучение культуры исследуемого народа во всех ее проявлениях. Вопросы литературной нормы, очевидно, связаны с культурой, но от фонетики и грамматики до культуры далековато.

Рядом с Конрадом работала Наталья Исаевна Фельдман, его ученица, затем жена. И представляется, что она была прирожденным лингвистом. В нескольких ею написанных японских грамматиках я не со всем могу согласиться, но немало там и интересного и содержательного. Например, в современной мировой лингвистике активно используется понятие «топика», а впервые его на японском материале всерьез изучила Фельдман, назвав «словом-темой». Писала она и статьи по теории лексикографии, где в [Фельдман, 1957] впервые употребила ставший уже привычным в России термин «окказионализм» [Левицкий, 2020, с. 123]. Обращение к этой проблематике было не случайным: хотя ответственным редактором изданного в 1970 г. «Большого японско-русского словаря» считался Конрад, но фактически работой руководила Фельдман. Двое видных японистов работали параллельно, но имели разные интересы.

Исследователи языков и создатели теорий

На эту тему я печатал специальную статью [Алпатов, 2008] и здесь вкратце перескажу ее содержание. Одни люди любят подробности, собирание фактов и не склонны создавать теории. Они ищут ранее не известные детали в письменных памятниках, описывают неизученные языки и диалекты на основе испытанных методов и гордятся тем, что путем кропотливого анализа добыли, безусловно, реальные факты. Такие ученые лучше себя чувствуют в спокойные периоды развития науки, когда научная парадигма сложилась и может казаться, что ей нет альтернативы. Особенно это было свойственно эпохе позитивизма. Других влечет дух создания новой теории, нового взгляда на, может быть, уже известные вещи.

Этого постоянно требует развитие науки, нередко новый взгляд нужен для решения практических задач. Для лингвистики два ярких примера – роль фонологии для конструирования алфавитов и роль математических методов для диалога человека с машиной. Новаторы выходят на первый план в эпохи кризиса, когда вызревает новая научная парадигма. Теоретики упрекают эмпириков в «бескрылом крохоборстве», а те видят у теоретиков «переливание из пустого в порожнее» и «слабосилие» (не способны «посидеть» много лет над одной конкретной темой). У разных людей бывают разные склонности в этом отношении, у одних лучше получается одно, у других другое; бывает, что в ту или иную эпоху приходится склонности ломать. Но в науке сочетается то и другое.

Известный лингвист советского времени Петр Саввич Кузнецов вспоминал, как в 1913 или 1914 г. в московской частной гимназии Е.А. Репман учитель истории Н.И. Руднев рассказал ученикам о двух типах историков. «Представители одного занимаются подготовкой фактического материала, анализом письменных источников, дешифровкой надписей, папирусов, клинописи и т.д., а другие – обобщениями социологического характера» [Воспоминания, 2003, с. 160]. Будущий лингвист тогда мечтал стать историком, и учитель предсказал ему будущность историка первого типа. И в воспоминаниях, и в памяти студентов Петр Саввич предстает как человек, интересующийся едва ли не всеми фактами, которые попадались в его поле зрения, с особым интересом к отдельным деталям. На военной службе и на военных сборах, в поездках по бездорожью к заочникам, в диалектологических экспедициях, в эвакуации во время войны – везде он искал возможность что-то узнать и познать от военной техники до фармакологии. Типичный собиратель фактов, ученый эрудитского склада!

Но в публикациях Кузнецов скорее не подтвердил прогнозы учителя. Вряд ли это получилось благодаря личным склонностям. Он оказался в Московском фонологическом кружке, где, развивая и преобразовывая идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ, молодые тогда лингвисты строили теорию фонем. Родись он на десяток лет раньше, он стал бы наверняка позитивистом и специалистом по сравнительно-историческому языкознанию (такова и была его первоначальная аспирантская специализация, но в конце 20-х годов ее как «неактуальную» закрыли и перевели его на «русский язык»).

Но, попав в иное время и иную среду, Кузнецов вошел в историю науки как теоретик (хотя на филологическом факультете он славился эрудицией). В его поколении лингвисты ценили теорию и любили обобщать, и приходилось подстраиваться.

А предшествующее поколение в те же годы думало иначе. Вот типичное изложение позитивистских взглядов у А.И. Томсона: «Об общих вопросах имеет право рассуждать только тот, кто сам годами барахтался в разрешении частных вопросов и потому может говорить по опыту, не с чужих слов» (цитируется по: [Робинсон, 2004, с. 153]). У современных ему ученых, в том числе у Н. Трубецкого, А.И. Томсон видел лишь «слабосилие», так как они «не могут больше преодолевать подготовительной работы по изучению накопившихся данных» (цитируется по: [Робинсон, 2004, с. 175]).

Сходные с ним черты мы видим и у американских дескриптивистов. «До Хомского американский лингвист был почти что обязан провести один-два года среди носителей индейского языка и написать его грамматику. В североамериканской лингвистике это было чуть ли не обрядом посвящения» [Эверетт, 2016, с. 274]. Затем пришел Н. Хомский, который «не занимался полевыми исследованиями и тем не менее, очевидно, обнаружил в языке больше интересного, чем любой полевой исследователь» [там же]. Младограмматики и дескриптивисты значительно различались объектом исследований, но в равной степени были собирателями фактов. Хомский же обратился к теории, что повлияло и на его последователей.

Различие (или сходство) исследователей языков и создателей теорий может не совмещаться с различиями и сходствами по другим параметрам. Вот высказывание: «Появляется странная разновидность языковедов, о которых нельзя сказать, какой или какие языки являются их специальностью» [Филин, 1982, с. 76]. А вот другое высказывание: «...имеются два разных понятия... Понятие “Язык” означает язык вообще как используемый человечеством класс знаковых систем... Понятие “язык” имеется в виду, когда говорят о русском, китайском, английском или ином конкретном языке. Сообразно этим двум понятиям имеются и две лингвистики – общая и частная... Для него [В.А. Звегинцева – В.А.] на первом месте находилась общая лингвистика – для меня – частная» [Ус-

пенский, 2013, с. 417–418]. Всякий, кто что-то знает об истории советской лингвистики, понимает, что Ф.П. Филин и В.А. Успенский принадлежали к разным лагерям и были непримиримыми противниками. Успенский уже покойного Филина называл в воспоминаниях «хитрым и злобным интриганом», который «был крайне реакционен» [Успенский, 2013, с. 364] и даже «умер, как подобает злему колдуну» [там же, с. 378]. Но по этому параметру они сходились и оба полемизировали с чистым теоретиком В.А. Звегинцевым, почти не рассматривавшим конкретные примеры. По образованию тот был германистом, но это проявлялось лишь в одном: как переводчик лингвистической литературы он специализировался на переводах с немецкого языка.

Разумеется, многие лингвисты могут совмещать интересы к теории и конкретике. Но при этом бывает, что тяготение к тому или другому проявляется в разные периоды деятельности ученого. Вот лишь один пример: В.И. Абаев. Свою долгую научную деятельность он начинал как один из теоретиков марровского лагеря, именно он писал о «бескрылом крохоборстве», в котором упрекал даже Ф. де Соссюра [Абаев, 2006, с. 18]. Затем он перешел к детальному изучению истории иранских языков и лишь изредка публиковал статьи теоретического характера. При этом все его теоретические идеи либо игнорировали, либо крайне резко критиковали, а конкретные работы по иранистике были вполне признаны.

И, как известно, теории устаревают быстрее, чем конкретные описания. Однако полевые лингвисты постоянно сетуют на то, что они получали данные у информантов, руководствуясь теориями, принятыми во время работы с ними, а потом теория поставила вопросы, которые раньше не задавали, но теперь уже нет тех информантов, а иногда и языка. Теория нередко бывает априорной, не основанной на фактах и даже просто фантастической, но она дает опору. А попытки обойтись без теории иллюзорны. Всегда при описании языка эксплицитно или имплицитно руководствуются некоторой теорией, но когда не думают о ее выборе, то исходят из той теории, к которой привыкли, а это обычно бывает теория из когда-то пройденного учебника некоторого языка.

Теоретики и экспериментаторы

Одна из разновидностей того же противопоставления – ученые, специализирующиеся либо в проведении экспериментов, либо в создании теорий, эти эксперименты объясняющих. Это различие хорошо известно физикам, которые привыкли делиться на две соответствующие категории. Различие, как хорошо известно, связано со складом характера ученых: одни физики выбирают путь теоретика, другие – экспериментатора.

В большинстве областей лингвистики данное разделение стало осознаваться сравнительно недавно. Здесь, конечно, вспоминается известная статья Л.В. Щербы «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (1931). Он пишет, что любое исследование конкретных языков (за исключением мертвых) должно включать в себя эксперимент. Выдвинув гипотезу о том или ином языке, необходимо ее проверить; два основных способа эксперимента – работа с информантом и самонаблюдение, при котором исследователь ставит условия эксперимента и проводит его на себе.

Безусловно, к числу экспериментальных дисциплин относится полевая лингвистика; вышеупомянутый «обряд посвящения» прежде всего сводился к экспериментальной деятельности. Но особенно очевидна это деятельность, когда исследователь языка начинает исследовать связанные с языком физические или физиологические процессы. Первой и долгое время единственной развитой дисциплиной такого рода была экспериментальная фонетика, сложившаяся во второй половине XIX в. С самого начала она использовала технические средства исследования. Однако и до нее, и параллельно с ней существовала и другая фонетика, не использовавшая приборы и во многом умозрительная, экспериментаторы называли ее «бумажной».

К концу XIX в. фонетические эксперименты заняли видное место в мировой науке о языке, даже несмотря на то, что тогда языкознание еще рассматривалось как историческая наука, а фонетические эксперименты неизбежно могут быть только синхронными, изучающими живые языки. И как раз позитивисты создали эту дисциплину. Скажем, вышеупомянутый А.И. Томсон был одним из ее основателей в России. Представляется, что главной чертой

позитивизма в лингвистике был не столько обязательный исторический подход (за что его часто критиковали структуралисты), сколько обязательное предпочтение теориям изучения фактов (уже существующих или получаемых при эксперименте). А реконструкция праязыка – тоже особого рода эксперимент.

Как пишет автор статьи «Фонетика» в российской энциклопедии (1902), где эта дисциплина понимается прежде всего как экспериментальная, ее знание «на Западе составляет общее достояние каждого начинающего лингвиста» [Булич, 2002, с. 247]. Он же указывает: «Акустико-физиологическая Ф. является необходимым фундаментом исторической и сравнительной Ф., без которого последняя неизбежно должна ограничиться чисто описательным отношением к своему предмету и отказаться от всяких попыток, объяснения тех звуковых изменений или “переходов”, которые происходят в человеческих языках» [Булич, 2002, с. 240]. То есть, безусловно, признавался приоритет фонетики, основанной на эксперименте с использованием приборов.

Однако развитие экспериментальной фонетики порождало и существенные проблемы. Выявление все более тонких фонетических различий показывало, что прибор фиксирует больше явлений, чем те, которые нужны носителям языка. Для изучения звуковой стороны языка наука еще не имела адекватной теории (которой, впрочем, экспериментаторы мало интересовались), а развитие экспериментов увеличивало хаос, который надо было преодолевать формированием способов его упорядочения (частый в развитии науки способ преодоления кризиса). Таким способом оказалось формирование фонологии. «Отцом и прародителем и фонемы, и фонологии» [Реформатский, 1970, с. 9] признан И.А. Бодуэн де Куртенэ. Он разграничил антропофонику (акустико-физиологическую дисциплину) и психофонетику (последняя впоследствии была преобразована в фонологию). «Рождение ее [фонологии – В.А.] происходило в процессе развития фонетики как таковой» [Вельмезова, 2014, с. 70], но уже к 1920-м годам две дисциплины разошлись. Лингвисты, занимавшиеся звуковой стороной языка, все реже были одновременно фонетистами и фонологами; Л.В. Щерба (недаром он специально писал об эксперименте), а затем его ученики уже стали исключением. Британская школа фонетистов во главе с Д. Джоунзом, оставшаяся на прежних позициях, стала периферийной для

мировой науки. Для автора российской книги об истории фонологии Д. Джоунз «не был фонологом» [Реформатский, 1970, с. 40], поскольку понимал фонему как класс близких по качеству звуков, выделяемый вне каких-либо функций языка.

Для выработки критериев выделения звуковых признаков, важных для носителя языка, была нужна фонология, которая создала соответствующую теорию и в эпоху структурализма, в 1920-е годы вырвалась вперед, потеснив фонетику, которая, разумеется, продолжая развиваться, отошла на периферию науки о языке. Упорядочением хаоса легче было заниматься «бумажным» специалистам, которые могли и не владеть методикой фонетического эксперимента, зато хорошо знали теорию языка. Так же почти в это же время и переход к синхронии после Ф. де Соссюра давал возможность успешно заниматься лингвистикой, не владея изощренной компаративной методикой. Труднее всего переход к фонологии давался именно лучшим экспериментаторам, почему Великобритания, ненадолго ставшая благодаря их деятельности одним из центров мировой лингвистики, затем оказалась позади. Соответствующим образом стала рассматриваться и история науки. В книге [Реформатский, 1970] в центре внимания история фонологии начиная с И.А. Бодуэна де Куртенэ, а об истории экспериментальной фонетики говорится лишь вскользь.

И.А. Бодуэн де Куртенэ понимал фонологию как «психофонетику». Для него язык и фонема как одна из его единиц еще были если не физической, то, по крайней мере, психической реальностью. В 1930-е годы этим фонологическим взглядам оставался верен его ученик Е.Д. Поливанов, но для Н.С. Трубецкого это казалось давно пройденным этапом, и он резко писал о поздних работах Поливанова, приписывая данную точку зрения его оторванности от научных центров. Трубецкого, как и большинство других структуралистов, интересовали в первую очередь не элементы, а отношения между ними.

Роль фонологии в мировой структурной лингвистике до 1950-х годов включительно была очень большой. Среди ученых разных стран, которые были затронуты структуралистской парадигмой, в период между двумя мировыми войнами больше всего было фонологов по основным интересам. В разных странах сложились разные научные направления: дескриптивизм в США,

Пражская, Московская, Ленинградская школы. Для них именно фонология стала полигоном для выработки структурных методов, прежде всего из-за своей сравнительной простоты и обзорности. Главные понятия (вариант – инвариант, оппозиция, ее нейтрализация и др.) формулировались первоначально для фонологии, а затем переносились на другие уровни. Фонология находила и практического применение: создание алфавитов.

Связи между структурной фонологией и экспериментальной фонетикой понимались по-разному в разных школах. В частности, в СССР много лет спорили друг с другом Московская и Ленинградская школы, «параллельно разрабатывавшие, по крайней мере, две различные модели понятия фонемы, в разной степени абстрагированные от фонетической субстанции языка» [Климов, 1967, с. 19]. А.А. Реформатский (принадлежавший к Московской школе) писал об их различии: «Ленинградцы превосходят москвичей (за исключением С.С. Высотского и, пожалуй, покойного П.С. Кузнецова) в чисто фонетическом и особенно в экспериментально-фонетическом плане» [Реформатский, 1970, с. 47]. Но и у П.С. Кузнецова курс фонологии в МГУ в 1960-е годы был чисто «бумажным». Ленинградская же школа, основанная Л.В. Щербой, учитывала не только смысловозначительные признаки фонем, но и фонетические характеристики звуков. Ее подход был промежуточным между чисто фонетическим подходом и последовательно фонологической точкой зрения Московской школы. Но, как давно отмечал С.И. Бернштейн [Бернштейн, 1962], две школы просто называли фонемой разные понятия. Кроме того, сама фонология тогда в основном сводилась к сегментной фонологии: ударение, интонация, тоны были исследованы много хуже.

Уже в 50-е годы Р. Якобсон вместе с Г. Фантом и М. Халле сделал еще один шаг, разработав теорию дифференциальных признаков. Здесь лишь для фонологии была решена существенная проблема соизмеримости описаний, включения системы фонем любого языка в единую классификацию. И не случайно в авторский коллектив вошел наряду с двумя лингвистами и акустик Г. Фант: для авторов было важно каждому дифференциальному признаку приписать физический (акустический) коррелят. На первый взгляд была сделана попытка синтезировать экспериментальную и «бумажную» фонетику. Однако сам Фант впоследствии указывал, что

физическая реальность некоторых признаков проблематична, например, это относится к резкости – нерезкости. Авторы шли не от физических качеств звуков, а от абстрактных систем фонем, которым потом с разным успехом подбирались акустические корреляты.

Теория дифференциальных признаков стала, пожалуй, последним крупным достижением классической фонологии. Во второй половине XX в. ситуация в мировой лингвистике вновь изменилась: роль фонологии стала уменьшаться, что особенно ярко проявилось в американском генеративизме, обратившемся к синтаксису. Но звуковая сторона языка продолжает изучаться. В интересующей нас области на новом уровне возрождается приоритет фонетики, изучающей процессы говорения, над «бумажной» фонологией. С другой стороны, резко возросла практическая применимость фонетики. «В современную эпоху традиционные фонологические модели, ориентированные на классификационные задачи описательного языкознания, оказываются недостаточными. На первый план выдвигается моделирование реальных процессов производства и восприятия звуковой речи. Многие из них получают естественное переосмысление в прикладных разработках, связанных с компьютерной имитацией звуковых процессов – синтезом и распознаванием речи» [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 15]. Разрабатываются многие виды речевых технологий.

В этом разделе я совсем не вспоминал о склонностях людей. Но очевидно, что не только в физике разделение на теоретиков и экспериментаторов подразумевает различные склонности и различные характеры. Экспериментатор должен быть хорошо приспособлен к кропотливой и часто однообразной работе, что не каждому удастся. Когда-то А.Е. Кибрик сказал одному из дипломников: «Эксперимент – не ваша стихия. Лучше сопоставьте точки зрения разных лингвистов на какую-нибудь проблему и выработайте свою».

Один из самых талантливых отечественных лингвистов В.Н. Сидоров говорил, что «ему всегда были интересны личности и судьбы ученых» [Борунова, 2004, с. 41]. И то же можно сказать и про многих других специалистов. А учет человеческих характеров, склонностей и особенностей дополняет историю науки и нередко помогает понять, почему ее развитие шло таким, а не другим образом.

Список литературы

- Абаев В.И.* Н.Я. Марр (1864–1934): к 25-летию со дня смерти // Вопросы языкознания. – 1960. – № 1. – С. 90–99.
- Абаев В.И.* О «фонетическом законе» // *В.И. Абаев.* Статьи по теории и истории языкознания. – Москва : Наука, 2006. – С. 16–26.
- Алпатов В.М.* Изучение японского языка в России и СССР. – Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. – 189 с.
- Алпатов В.М.* Исследователи фактов и создатели теорий // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2008. – № 2. – С. 3–11.
- Бернштейн С.И.* Основные понятия фонологии // Вопросы языкознания. – 1962. – № 5. – С. 62–80.
- Борунова С.Н.* Еще о Владимире Николаевиче Сидорове // Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова. – Москва : Институт русского языка, 2004. – С. 37–49.
- Буллич С.К.* Фонетика // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Санкт-Петербург, 2002. – Т. 71. – С. 240–249.
- Вельмезова Е.В.* История лингвистики в истории литературы. – Москва : Индрик, 2014. – 416 с.
- Воспоминания П.С. Кузнецова // Московский лингвистический журнал. – Т. 7/1, 2003. – С. 155–250.
- Климов Г.А.* Фонема и морфема. – Москва : Наука, 1967. – 126 с.
- Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф.* Общая фонетика. – Москва : РГГУ, 2001. – 592 с.
- Конрад Н.И.* О китайском языке // Вопросы языкознания. – 1952. – № 3. – С. 45–78.
- Конрад Н.И.* О литературном языке в Китае и Японии // Вопросы языкознания. – 1954. – № 3. – С. 25–40.
- Конрад Н.И.* О литературном языке в Китае и Японии // Труды Института языкознания. – 1960. – Т. 10. – С. 25–40.
- Конрад Н.И.* Синтаксис японского национального литературного языка. – Москва : Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР, 1937. – 380 с.
- Левицкий А.Э.* В поисках абсурда // Абсурд в языке и коммуникации. – Москва : РГГУ, 2020. – С. 117–142.
- Марр Н.Я.* Избранные труды. – 1933. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1934. – Т. 3–4.
- Матезиус В.* Куда мы пришли в языкознании // *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – Москва : Учпедгиз, 1960. – Ч. 2. – С. 86–91.
- Проблемы истории докапиталистических обществ. – Ленинград, 1935. – № 3–4.
- Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. – Москва : Издательство АН СССР, 1952–1953. – Т. 1–2.
- Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. – Москва : Наука, 1970. – 527 с.
- Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). – Москва : Индрик, 2004. – 432 с.

- Серво П. Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе, 1920–1930-е гг. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 360 с.
- Сеше А. Программа и методы теоретической лингвистики. Психология языка. – Москва : УРСС, 2003. – 264 с.
- Успенский В.А. Труды по нематематике. – Москва : ОГИ, 2013. – Кн. 3. – 711 с.
- Фельдман Н.И. Окказиональные слова в лексикографии // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 64–73.
- Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. – Москва : Наука, 1982. – 336 с.
- Эверетт Д. Не спи – кругом змеи. Быт и язык индейцев амазонских джунглей. – Москва : ЯСК, 2016. – 384 с.
- Язык и история. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1936. – Т. 1. – 240 с.
- Sériot P. Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale. – Paris, 1999. – 353 p.

References

- Abaev V.I. N.Ja. Marr (1864–1934). K 25-letiju so dnja smerti [Marr (1864–1934). To the 25 th anniversary of his death]. *Voprosy yazykoznanija* [Questions of Linguistics]. – 1960. – № 1. – Pp. 90–99. (In Russian)
- Abaev V.I. O “foneticheskom zakone” [On the “phonetic law”]. V.I. Abaev. *Stat’i po teorii i istorii yazykoznanija* [Articles on the theory and history of linguistics]. – Moscow : Nauka, 2006. – Pp. 16–26. (In Russian)
- Alpatov V.M. *Izuchenie japonskogo jazyka v Rossii i SSSR* [The study of the Japanese language in Russia and the USSR]. – Moscow : Nauka, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1988. – 189 p. (In Russian)
- Alpatov V.M. Issledovateli faktov i sozdateli teorij [Researchers of facts and creators of theories]. *Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka* [News of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language]. – 2008. – № 2. – Pp. 3–11. (In Russian)
- Bernshtejn S.I. Osnovnye ponjatija fonologii [Basic concepts of phonology]. *Voprosy yazykoznanija* [Questions of Linguistics]. – 1962. – № 5. – Pp. 62–80. (In Russian)
- Borunova S.N. Eshhe o Vladimire Nikolaeviche Sidorove [More on Vladimir Nikolaevich Sidorov]. *Otcy i deti Moskovskoj lingvisticheskoj shkoly. Pamjati Vladimira Nikolaevicha Sidorova* [Fathers and children of the Moscow Linguistic School. In memory of Vladimir Nikolaevich Sidorov]. – Moscow : Institut russkogo jazyka, 2004. – Pp. 37–49. (In Russian)
- Bulich S.K. Fonetika [Phonetics]. *Enciklopedicheskij slovar’ Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. – Tom 71. – Saint Petersburg, 2002. – Pp. 240–249. (In Russian)
- Vel’mezova E.V. *Istorija lingvistiki v istorii literatury* [The history of linguistics in the history of literature]. – Moscow : Indrik, 2014. – 416 p. (In Russian)
- Vospominanija P.S. Kuznecova [Memoirs of P.S. Kuznetsov]. *Moskovskij lingvisticheskij zhurnal* [Moscow Linguistic Journal]. – 7/1, 2003. – Pp. 155–250. (In Russian)

- Klimov G.A. *Fonema i morfema* [Phoneme and morpheme]. – Moscow : Nauka, 1967. – 126 p. (In Russian)
- Kodzasov S.V., Krivnova O.F. *Obshhaja fonetika* [General phonetics]. – Moscow : RGGU, 2001. – 592 p. (In Russian)
- Konrad N.I. O kitajskom yazyke [On the Chinese language]. *Voprosy yazykoznanija* [Questions of Linguistics]. – 1952. – № 3. – Pp. 45–78. (In Russian)
- Konrad N.I. O literaturnom yazyke v Kitae i Yaponii [On the literary language in China and Japan]. *Voprosy yazykoznanija* [Questions of Linguistics]. – 1954. – № 3. – Pp. 25–40. (In Russian)
- Konrad N.I. O literaturnom jazyke v Kitae i Yaponii [On the literary language in China and Japan]. *Trudy Instituta yazykoznanija* [Proceedings of the Institute of Linguistics]. – T. 10. – 1960. – Pp. 25–40. (In Russian)
- Konrad N.I. *Sintaksis yaponskogo nacional'nogo literaturnogo yazyka* [Syntax of the Japanese national literary language]. – Moscow : Izdatel'skoe tovarischestvo inostrannyh rabochih v SSSR, 1937. – 380 p. (In Russian)
- Levickij A.Je. V poiskah absurda [In search of the absurd]. *Absurd v yazyke i kommunikacii* [Absurdity in language and communication]. – Moscow : RGGU, 2020. – Pp. 117–142. (In Russian)
- Marr N. Ja. *Izbrannye trudy* [Selected works]. – T. III, 1933; T. IV. – Moscow – Leningrad: AN SSSR, 1934. – (In Russian)
- Matezius V. Kuda my prishli v yazykoznanii [Where we came in linguistics]. Zvegincev V.A. *Istorija yazykoznanija XIX i XX vekov v ocherkah i izvlechenijah* [History of Linguistics of the XIX and XX centuries in essays and extracts]. – Chast' II. – Moscow : Uchpedgiz, 1960. – Pp. 86–91. (In Russian)
- Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshhestv* [Problems of the history of pre-capitalist societies]. – № 3–4. – Leningrad, 1935.
- Protiv vul'garizacii i izvrashhenija marksizma v yazykoznanii* [Against the vulgarization and perversion of Marxism in linguistics]. – T. 1–2. – Moscow : Izdatel'stvo AN SSSR, 1952–1953. (In Russian)
- Reformatskij A.A. *Iz istorii otechestvennoj fonologii* [From the history of Russian phonology]. – Moscow : Nauka., 1970. – 527 p. (In Russian)
- Robinson M.A. *Sud'by akademicheskoy elity: Otechestvennoe slavjanovedenie (1917 – nachalo 1930-h godov)* [The Fate of the Academic elite: Domestic Slavic Studies (1917 – early 1930 s)], – Moscow : Indrik, 2004. – 432 p. (In Russian)
- Serio P. *Struktura i celostnost': Ob intellektual'nyh istokah strukturalizma v Central'noj i Vostochnoj Evrope. 1920–1930-e gg.* [Structure and Integrity: On the Intellectual Origins of Structuralism in Central and Eastern Europe. 1920–1930 s]. – Moscow : Yazyki slavjanskoj kul'tury. – 2001. – 360 p. (In Russian)
- Seshe A. *Programma i metody teoreticheskoj lingvistiki. Psihologija yazyka* [Program and methods of theoretical linguistics. Psychology of language]. – Moscow : URSS. – 264 p. (In Russian)
- Uspenskij V.A. *Trudy po nematematike* [Works on nemathematics]. –Kn. 3. – Moscow : OGI, 2013. – 711 p. (In Russian)

- Fel'dman N.I. Okkazional'nye slova v leksikografii [Occasional words in lexicography]. *Voprosy yazykoznanija* [Questions of Linguistics]. – 1957. – № 4. – Pp. 64–73. (In Russian)
- Filin F.P. *Ocherki po teorii yazykoznanija* [Essays on the theory of linguistics]. – Moscow : Nauka, 1982. – 336 p.
- Jeverett D. *Ne spi – krugom zmei. Byt i yazyk indejcev amazonskih dzhunglej* [Don't sleep – there are snakes all around. The life and language of the Amazonian jungle Indians]. – Moscow : JaSK, 2016. – 384 p. (In Russian)
- Yazyk i istorija* [Language and History]. – T. 1. – Moscow – Leningrad : AN SSSR, 1936. – 240 p. (In Russian)
- Sériot P. *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. – Paris, 1999. – 353 p.